

Мужество прокурора

Сегодня мы учимся говорить правду. Импульсом для открытости послужила XIX Всесоюзная партийная конференция. Все откровеннее ведем разговор о событиях прошлого, столь глубоко вошедших в человеческую память.

У памяти есть особое свойство. Радостные вести и события сохраняются в ней недолго, а со временем и совсем исчезают. Горестные же моменты, особенно человеческие трагедии, живут, пока жив человек. Люди не только помнят перенесенное горе, но и стараются установить причину свалившегося на них несчастья, пытаются с позиций сегодняшнего дня найти ему объяснение и виновных.

Письма, письма... Их в прокурорской почте много. Но есть такие, которые берут за душу, вызывают острую необходимость поразмышлять: как могло случиться, что мы сейчас прекращаем сотни уголовных дел за отсутствием состава преступления, реабилитируем осужденных, многих посмертно? Существовало же и раньше такое понятие, как законность, действовал аппарат органов прокуратуры...

Нередко в письмах, да и в личных беседах бывают упреки в адрес прокурорских работников того времени: мол, и они повинны в вопиющих беззакониях. Отрицать это было бы, мягко говоря, легкомысленно. Но и полностью согласиться — значит, поступить опрометчиво. Для такого утверждения есть веские основания.

При массовом пересмотре дел «врагов народа» все чаще стали попадать досье на «непослушных прокуроров». Из них видно, что прокуроры, по сути, были устранены от производства подобных дел. Нет в делах постановлений на обыск, арест, санкционированных прокурором. Не утверждали они обвинительных заключений, не выступали государственными обвинителями.

Вот у меня в руках дело по обвинению М. У. Дзгоева, помощника прокурора Ойротской автономной области, которое прекращено определением Военной коллегии Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления.

Мухарбек Умарович Дзгоев проявил себя сильным и честным человеком, принципиальным прокурором, и наш долг рассказать о нем все, чем мы располагаем. Поможет в этом его вдова Елизавета Васильевна Орлова, член КПСС с 1924 года, ныне проживающая в городе Гусь-Хрустальном. От нее в Горно-Алтайский обком КПСС пришло большое письмо. Личное и уголовное дела М. Дзгоева сохранились в архиве прокуратуры.

Мухарбек Умарович родился 30 мая 1897 года в селе Старая Саниба Северо-Осетинской автономной республики. По национальности осетин. В 1920 году он вступил в члены ВКП(б) и с этого момента сам себе не принадлежал. Партии нужны были исполнительные и преданные коммунисты — таким он и стал.

После окончания Коммунистического университета имени Свердлова в Москве он долго не задерживался на одном месте. Партия направляла его туда, где нужен был принципиальный и квалифицированный работник. Так, он избирался секретарем Правобережного райкома партии. Это была

очень ответственная должность, поскольку по тогдашнему административному делению вся Северо-Осетинская республика делилась на два района — Правобережный и Левобережный. Этот район сохранился и сегодня, является одним из восьми районов республики.

После учебы в Москве Дзгоева направляют на работу в Западно-Сибирский край.

ИЗ БИОГРАФИИ М. У. ДЗГОЕВА

«Вначале работал инструктором Бийского окружкома, затем в 1930 году избирался секретарем Алтайского райкома ВКП(б). В 1932 году — секретарем Быстро-Истокского райкома и в 1932 году постановлением Забсибкрайкома ВКП(б) командирован в распоряжение Ойротского обкома ВКП(б), где работал заместителем председателя облККРКИ. В 1934 году был избран председателем облпрофсовета. В 1937 году назначен помощником областного прокурора».

В 1933 году в город Ойрот-Тура (Горно-Алтайск) после окончания Ленинградского института пищевой промышленности в составе «парттысячи» приехала Елизавета Васильевна Орлова. Здесь они с Дзгоевым познакомились, стали мужем и женой.

Интересна судьба этой несломленной женщины, хотя горькое клеймо жены «врага народа» коснулось ее очень близко. Назначенная на должность управляющего трестом маслопрома, она не знала покоя ни днем, ни ночью. Частые поездки по области, встречи со специалистами дали свои результаты. Маслопромовцы из отстающих вышли в передовые, дали полтора миллиона рублей прибыли. Их продукцию повезли в центр и даже на экспорт. В 1936 году Елизавета Васильевна была награждена орденом «Знак Почета». Орден ей вручил в Кремле М. И. Ка-

Мухарбек Умарович Дзгоев

линин. Нарком пищевой промышленности А. М. Микоян подарил ей именной патефон с сотней пластинок. Маслопрому было выделено пять новых грузовых трехтонок и персональная легковая машина.

5 августа 1936 года областная газета «Красная Ойротия» публикует поздравления и подборку материалов о трудовых успехах маслопромовцев.

Не всех устраивал растущий авторитет Дзгоева

и его жены. Все чаще стали на него покрикивать, упрекать или просто направлять в бесконечные командировки.

ИЗ ПИСЬМА Е. В. ОРЛОВОЙ

«Когда в 1936—1937 годах началась кампания выявления «врагов народа», мой муж ни разу не дал санкции на аресты невинных людей...»

Наступали тревожные дни. Почти в одно время были арестованы секретарь обкома П. Хабаров, председатель облисполкома А. Сыркашев. Дзгоев хотел было защитить их, но эту попытку грубо пресек только что прибывший секретарь обкома Юфит. Силы были неравные. Но Дзгоев не струсил, продолжал так же честно выполнять свои прокурорские полномочия, надеялся, что не приклеят ему ярлык «врага народа», не осмелятся его арестовать, по крайней мере без ведома прокурора Западно-Сибирского края. Но он глубоко ошибался.

9 октября 1937 года в начале рабочего дня в его кабинете появился оперуполномоченный госбезопасности сержант Лешкин и неизвестный гражданин, назвавшийся Токмашевым. Сержант предъявил ордер на обыск и арест Дзгоева. Оказалось, неизвестный гражданин был приглашен в качестве понятого.

В конце дня в присутствии жены Дзгоева был произведен обыск в квартире. В протоколах обыска в описях изъятого значится разная переписка на 76 листах, краткое руководство по ведению предварительного следствия под редакцией Строговича, подшивка журнала «Большевик», резолюции областной партконференции, личные документы.

В тот же день было вынесено постановление об избрании меры пресечения в отношении Дзгоева —

ареста и предъявления ему обвинения в том, что он является активным участником контрреволюционной троцкистской организации и разведчиком одного из капиталистических государств. С этим постановлением Дзгоев был ознакомлен 25 октября, в постановлении есть его подпись.

В этот же день сотрудник Ойротского управления УНКВД Питерский заполняет анкетными данными Дзгоева типографский бланк протокола допроса. Однако допрошен был Дзгоев 28 октября, почерк в протоколе не Питерского, протокол написан на простой тетрадной бумаге. Не указано и место допроса, можно только предполагать, что это была барнаульская тюрьма.

Допрашивал сотрудник областного УНКВД Рейкенцишко. Первые вопросы были явно авантюристическими и провокационными. Очевидно, преследовалась цель психологического воздействия на обвиняемого: «Когда, где и кем были привлечены для шпионской деятельности? В пользу какого государства?» Последовал ответ, что для этой работы был привлечен бывшим секретарем Ойротского обкома ВКП(б) П. Хабаровым в декабре 1935 года, в пользу японской разведки. На вопрос, в чем же заключалась его шпионская деятельность, Дзгоев ответил, что передал Хабарову полные сведения о численном составе и состоянии профсоюзов области, и на этом его «шпионская» деятельность прекратилась.

Как ни упражнялся Рейкенцишко в угрозах, давлении на подследственного, говоря, что он лжет и что следствие располагает дополнительными данными о его преступной деятельности, Дзгоев категорически утверждал, что ничего другого он не делал и признаваться ему не в чем. На этом допрос прерывается.

Вообще вызывает сомнение, был ли такой допрос, поскольку протокол написан фиолетовыми чернилами, а подпись Дзгоева выполнена чернилами другого цвета. Вряд ли можно предполагать, что в кабинете были разные чернила. Да и само признание в «шпионской» деятельности в пользу Японии звучит несерьезно, наивно. Со всей очевидностью Японии такие данные были не нужны, как и то, что секретарь обкома мог и без помощи Дзгоева иметь и, наверное, имел такие данные по долгу службы.

ИЗ ПИСЬМА Е. В. ОРЛОВОЙ

«7 ноября на митинге, посвященном двенадцатилетию Октябрьской революции, на городской площади при всем народе Юфит заявил, что он обезвредил иностранного шпиона Дзгоева. После этого меня исключили из партии, сняли с работы, угрожали отправить «туда же». Мне пришлось жить, существовать с клеймом жены «врага народа», ареста я избежала потому, что тайком выехала из Ойротии...»

Второй и последний допрос обвиняемого состоялся 25 апреля 1938 года. Таким образом, перерыв длился ровно полгода. На этом допросе хотел бы остановиться более подробно, так как он характеризует подследственного как человека с сильным характером, которого шестимесячное заключение не сломало, и он окончательно определил свою позицию. Он избрал единственный путь — путь правды и честности. Дзгоев, безусловно, знал о последствиях такой позиции, но это его не испугало.

Первым вопросом допрашивающий, сержант государственной безопасности с фамилией на букву «М» (ропись разобрать невозможно), предлагает рассказать о проводимой контрреволюционной работе. Следует категоричный ответ, что он ею не за-

нимался и никаких показаний по этому вопросу дать не может. Во втором вопросе уже звучит нотка раздражения, угрозы: «Вы говорите неправду. Следствие располагает данными, изобличающими вас в том, что вы занимались контрреволюционной деятельностью». Однако опять следует ответ: «Я еще раз повторяю, что я этим не занимался и показаний поэтому дать не могу».

Дзгоеву предъявлялись показания других лиц, проходивших свидетелями и обвиняемыми по другим делам, которые «уличали» и его в преступной деятельности. На что Дзгоев ответил, что эти показания он считает ложными.

На более конкретное утверждение, что Белкин и Сыркашев изобличают его в своих показаниях в контрреволюционной деятельности, Дзгоев заявляет: «...контрреволюционной деятельностью я не занимался и по этому вопросу какие-либо показания давать категорически отказываюсь».

В этом протоколе допроса Дзгоеву было объявлено об окончании предварительного следствия и разъяснена статья 206 УПК РСФСР. Дополнить чем-либо следствие он отказался.

В деле нет больше ни одного протокола допроса свидетелей, однако приобщены копии протоколов допроса обвиняемых по другим делам.

Так, Наум Житловский, бывший редактор газеты «Красная Ойротия», недолго отрицал свое «активное участие в контрреволюционном троцкистском центре». И уже на третьей странице протокола он подтвердил, что дал согласие на вступление в областной центр троцкистов. Он подробно рассказал о деятельности центра, его составе. Долгое время Житловский не называл фамилии Дзгоева. На упреки допрашивающего, начальника областного УНКВД

майора Жигунова, в том, что он упорно скрывает ряд активных участников областного троцкистского центра, Житловский сказал: «Как ни тяжело, но я решил рассказать искренне...». И называет фамилии Гусака — председателя областного суда, Бекина — его заместителя, Шестакова — управляющего «Союззолото», Коробченко — заведующего облздравотделом, Поварника — управляющего облбанком, Гринева — начальника облтелеграфа, Сухнина — директора дома отдыха «Манжерок» и наконец Дзгоева — помощника областного прокурора.

Из копии протокола допроса обвиняемого Владимира Белкина, до ареста работавшего председателем Чойского аймакисполкома, видно, что и он утверждал: Дзгоев состоял в этой преступной организации. Вообще от этого документа веет наивностью и несерьезностью. Так, на предложение рассказать о его практической контрреволюционной вредительской работе Белкин говорит, что «с целью срыва плана развития животноводства» им не были включены в отчет непокрытые телки, от которых был «запроектирован приплод». При составлении плана сева на 1937 год он «сократил посевную площадь под пшеницу с 24,5 тысячи гектаров до 18 тысяч, а общий план посевных площадей против 36 тысяч гектаров в 1936 году был сокращен до 40 тысяч в 1937».

Это не моя ошибка, именно так и записано.

«Он также срывал строительство скотных дворов, сознательно не принимал мер к организации труда в колхозах» — и дальше в таком же духе. На вопрос Жигунова, в пользу какого государства он «шпионил», последовал ответ — в пользу одного из иностранных государств. На требование уточнить записан ответ: «Не знаю».

Приобщается к делу копия протокола обвиняемого Ивана Кузьмина, до ареста работавшего заведующим земельным отделом Чойского аймакисполкома. Он подтвердил, что в преступную организацию его вовлек Дзгоев, который сомневался в правильности политики партии. В выписке из протокола допроса обвиняемого Андрея Сыркашева, бывшего председателя Ойротского облисполкома, всего пять строчек:

— Назовите известных вам участников контрреволюционной националистической организации.

— Мне известно, что в этой организации состоят следующие лица...

И под номером 32 записана фамилия Дзгоева.

25 апреля 1938 года оперуполномоченным госбезопасности сержантом Ивашкиным составляется обвинительное заключение, которое без указания даты утверждается начальником управления.

Весь текст этого завершающего следствие документа уместился на полутора страницах. В нем утверждается, что «на территории Ойротской автономной области была вскрыта и ликвидирована шпионско-диверсионная организация, созданная по заданию японских разведывательных органов и ставившая своей целью в момент войны Японии против СССР отторжение Ойротии и организацию независимого государства под протекторатом Японии.

При ликвидации указанной выше организации не был привлечен к ответственности ее активный участник Дзгоев Мухарбек Умарович.

Проведенным по делу следствием установлено, что он по заданию руководства организации проводил вредительскую деятельность. На основании этого Дзгоев обвиняется в том, что совершил преступления, предусмотренные ст. 58 пункты 2, 4, 6, 9—11

УК РСФСР, то есть вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию с целью ее насильственного отторжения, оказания помощи международной буржуазии каким бы то ни было способом, участие в контрреволюционной организации и собирании, похищении и передаче секретных сведений иностранным государствам, то есть в шпионаже».

Автор обвинительного заключения полагал, что доказательства убедительные, поэтому дело необходимо направить на рассмотрение в особом порядке в одно из управлений НКВД СССР.

На этой странице записано, что Дзгоев виновным себя признал только в том, что был завербован в контрреволюционную организацию. Однако сержант Ивашкин поторопился с выводами и, очевидно, заранее отпечатал обвинительное заключение, с которым не согласился Дзгоев. Пришлось от руки внести исправления в виде справки: «В обвинительном заключении указывается, что Дзгоев признал себя виновным в участии к/р организации. Это не соответствует действительности. На допросе от 25. 04. 1938 г. он категорически отрицал свое участие в к/р организации и проведении какой-либо преступной деятельности».

Помогла эта дополнительная запись обвиняемому или, наоборот, навредила? Наверное, последнее будет точнее. Записывая эти слова, еще раз хотели подчеркнуть, что обвиняемый не признает вины, значит не раскаивается и остается опасным преступником, не заслуживающим снисхождения.

Так и случилось. 4 октября 1938 года «тройка» постановила: «Дзгоева М. У. расстрелять, лично принадлежащее ему имущество конфисковать». На другой день приговор был исполнен.

Очевидно, нет необходимости доказывать, что обвиняемый не совершал никаких преступлений. В деле отсутствуют какие-либо доказательства. Ясно, что дело было сфальсифицировано. Об этом говорят и материалы дополнительной проверки уголовных дел против бывших работников органов, применявших недозволенные методы расследования.

Обвиняемый И. Кардаманов, проходивший по делу в 1937 году, рассказал, что он полтора или два месяца держался. Затем ослаб, даже терял сознание на допросах, несколько раз вызывали врача. В итоге не выдержал и стал подписывать все протоколы. Следователь предупреждал, чтобы он давал такие же показания и в дальнейшем.

Н. Шуров, осужденный в 1937 году, позже на суде рассказал, что в Онгудае его допрашивал следователь Каширин. При допросах он повышал голос, вынимал из кобуры наган и предлагал рассказать, сколько человек он расстрелял, хотя такого не было.

Допрошенные в ходе проверки тридцать свидетелей, знавшие обвиняемых, показали, что им ничего не известно о существовании какой-либо антисоветской организации. Да и какие могли дать показания эти свидетели, когда они утверждали, что русским языком владели плохо, писать и читать совсем не умели, а переводчиков не было.

Привлеченный к уголовной ответственности в 1955 году К. Хуснутдинов, работавший с 1925 по 1938 год в органах НКВД, заявил: «Должен признать, что предъявленные обвинения всем лицам и их признательные показания не соответствуют действительности. Указанные лица не являлись членами контрреволюционной организации. Она сфальсифицирована в УНКВД Запсибкрая. Обвиняемые под-

писывали протоколы допроса или давали показания после «внутрикамерной обработки». Мной лично применялись такие преступные методы ведения следствия, как составление протоколов заранее, допрос в отсутствии обвиняемых, а затем путем внутрикамерной обработки склоняли их к подписанию». Этим все сказано.

По жалобе брата Дзгоева — Кальцко Умаровича, проживающего в Северо-Осетинской АССР в селе Эльхотово Кировского района, заместитель Генерального прокурора СССР назначил проверку и внес в Военную коллегия Верховного суда СССР протест с просьбой: постановление «тройки» УНКВД Алтайского края от 4 октября 1938 года в отношении Дзгоева Мухарбека Умаровича отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления. Пересмотрены дела и на Хабарова, Сыркашева, Житловского, Кузьмина, Белкина и других. Они полностью реабилитированы.

ИЗ ПИСЬМА Е. В. ОРЛОВОЙ

«...Позднее я устроилась на работу в Ленинграде. Меня восстановили в партии. Всю блокаду Ленинграда была в числе его защитников, после снятия блокады добровольцем выехала на Второй Украинский фронт и там в госпиталях служила до конца войны...

Мне бы хотелось на склоне лет узнать, прочитать в ойротской (то есть в горно-алтайской) областной газете, что Хабаров, Сыркашев, Дзгоев и другие руководители партийных и советских органов Ойротии в тридцатых годах стали жертвами гнусных наветов провокаторов».

Ради этого, основываясь строго на документах, автор рассказал о коммунисте, проявившем мужество и стойкость, который предпочел смерть лицемерию и предательству.

Государственный советник юстиции 2 класса, заслуженный юрист РСФСР Гущин Иван Павлович — участник Великой Отечественной войны. Освобождал Советскую Белоруссию и Польшу. Награжден орденами и медалями. В настоящее время — прокурор Алтайского края.

И. П. Гуцин

**ТЕНЬ
ПРОШЛОГО**

ЗАПИСКИ ПРОКУРОРА

*Барнаул
Алтайское книжное издательство
1990*